

УДК 130.2

DOI: 10.34670/AR.2021.22.58.031

Соборность и патриотизм как ценности русского мира**Теплых Никита Валерьевич**

Ассистент,

Центр гуманитарного образования,

Гуманитарный институт,

115114, Российская Федерация, Москва, Дербеневская ул., 1 стр. 5;

e-mail: ni.teplykh@yandex.ru

Аннотация

Предпринятая в данной статье разработка осмысления и своего рода оценка вопросов русского мира через призму анализа ценностей соборности и патриотизма позволяет представить полярность позиций исследователей, что объясняется многогранностью культурно-идеологических процессов отражения традиций духовности российского социума. Намечены некоторые вехи в изучении такой сложной проблематики как ценности русского мира на примере отечественной философии. В работе определено, что обобщение основных черт русского мирозерцания в трудах отечественных философов позволяет отметить следующее: русский человек к ценностям относится пассивно, созерцательно, что объясняется рядом обстоятельств. Так, свобода для него сосредоточена во внутреннем мире человека, а творческое начало, соответственно, сосредоточено в духовной сфере. Иерархия духовных ценностей русского человека самобытна благодаря преобладанию религиозных и общечеловеческих ценностей; при этом он не обладает в полной мере социальными свободами, но ему присуща великая воля к свободе внутренней, внутренняя свобода в сочетании с внешней приводят к анархии, бунту и вольнице в русском социуме. При этом русская природа не националистична, русский характер предполагает «всемирную отзывчивость» и открытость иным национально-культурным и идейным влияниям, при этом полностью сохраняется «ядро» национального русского типа.

Для цитирования в научных исследованиях

Теплых Н.В. Соборность и патриотизм как ценности русского мира // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 3А. С. 202-208. DOI: 10.34670/AR.2021.22.58.031

Ключевые слова

Социокультурные отношения; феномен России; ценности; соборность; патриотизм.

Введение

Согласно самому общему определению **соборность** есть идеал русской социально-духовной организации, высшая коллективная ценность в России. Возникновение его основано на глубоко социальной природе русского народа: русским характерно, по мнению С.Л. Франка, «предубеждение против индивидуализма», но при этом русский коллективизм «отнюдь не враждебен понятиям личной свободы и индивидуальности, а, наоборот, мыслится как его крепкая основа» [Франк, 1991, 179]. Из такого понимания коллективности непременно должен был появиться образ идеального коллектива, сохраняющего целостность личности и одновременно соединяющего людей в единый духовный организм. Характеристика русского менталитета включает доброту, терпимость, общинность, душевность в качестве его базовых свойств [Думнова, 2014, 55]. Очевидно, что сущность исконно русского менталитета отражают именно коллективные ценности.

Для русского человека идеалом выступает единение православных – соборность, в основе которого лежит любовь к Богу и его Сыну. Однако некоторые ученые отмечают противоречивость русской соборности с христианским вероучением. Речь идет о несовместимости персональной ответственности отдельного человека за греховность мира с общинной моралью [Галактионов, 1989, 30]. Но здесь нет особого противоречия, так как необходимо именно соборное, а не внешнего – коллективистского объединения. Внешние формы социальной организации подчинены внутренним, а не наоборот. Поэтому идея соборности русскими философами была извлечена из массового, в основе своей религиозного сознания.

Основная часть

Соборность, по мнению В.И. Иванова, есть такое соединение личностей, посредством которого они достигают совершенного раскрытия и определения своей самобытной сущности и творческой свободы [Бирюков, Сергеев, 1995, 197–198]. Образцом для подобного «духовного общения» выступает традиционная русская деревенская община – мир. И.В. Киреевский часто упоминает деревенский «мир» в своих работах, который состоит из бесчисленного множества маленьких миров, составляющих Россию [Киреевский, 1984, 22]. И если русское общество постоянно «раскалывалось» на сообщества, при этом современная Россия с присущей ей деградацией фундаментальных ценностей Русского мира исключением не является [Демин, 2019, 46], то для деревенского «мира» это явление было чуждым в силу единства интересов, традиций и веры в божественность Церкви. В частности, на это обратил внимание современный исследователь А.А. Горелов, анализируя творческое наследие основателя славянофильского движения А.С. Хомякова, считавшего именно сельскую общину эмпирическим прообразом идеального соборного жизнеустройства. Самоуправление в сельской общине сочеталось с социальной справедливостью, ибо соборность, братство и отзывчивость являются свойствами, присущими земледельческим народам [Горелов, 2017, 90–94]. Для других же «сообществ» идеал соборности призван был стать ориентиром в деле единения и сплочения, к которому тяготело всегда русское общество, будучи, однако, бессильным из-за отсутствия единого мистического центра, послужившего центром единения.

Таким образом, соборность в понимании автора данного термина А.С. Хомякова означает скорее не коллективность, а духовную гармонию, основанной на любви. Любовь лежит в основе солидарности и соборности людей, которые в социальной философии противопоставляются

коллективности и общности, как личные общинные отношения – вещным, общественным. О первичности духовного единения над социальным говорит С.Л. Франк, чья философия названа «этикой соборности».

С.Н. Булгаков под соборностью понимает и символ веры, и социальный идеал, что для него равнозначно Божественной Троице [Бойко, 2019, 85]. Следовательно, лишь на основе соборного, совместного постижения возможно достичь торжества Высшей Истины. С.Н. Трубецкой многоаспектно трактует идею соборности. Его выводы могут послужить резюме в рассмотрении данной ценности: во-первых, это субстанциональное единство сознаний как некое единомыслие, переход от сознания «Я» к пониманию «Мы»; во-вторых, идеал, положенный к осуществлению, как морально-нравственный ориентир, закон совместного существования; в-третьих, реальное сходство нашей духовной и умственной жизни как образец гармонии рационального, эмоционального и духовного в человеке. Иными словами, идеал соборности у него означает совпадение социального, религиозного и нравственного [Бабич, 2009, 64].

Таким образом, восприятие данной ценности весьма неоднозначно. Однако, вне всяких сомнений, соборность есть самая высочайшая идея, рожденная русской мыслью и наиболее точно отражающая, и характеризующая русскую духовность в контексте всех основных ее ценностей. Как реализация принципа коллективности на основе любви и свободы соборность представляет собой созерцательное творчество, возможное через религиозное общение с Богом, и тем самым осуществляет «собираение Вселенной», начав с собственной страны, с собственного народа, с себя самого.

В этой связи нельзя упустить из виду значение патриотизма в русской духовной формации, отношения русского человека к своей стране, земле, к своему народу. Данная ценность всегда занимала особое место в структуре национального сознания, и, по сути, является его основой. И.А. Ильин посвящает отдельную главу в своей работе «Путь духовного обновления» рассмотрению сущности патриотизма, где пишет, что патриотизм – чувство любви к родине, которое своими корнями уходит «в глубину человеческого бессознательного», «в жилище инстинкта и страстей» [Ильин, 1996, 188]. В чувстве патриотизма, пожалуй, наиболее ярко выражена антиномичность русского характера. Можно выделить ряд особенностей восприятия данной ценности русским народом.

Русские – космополиты и патриоты одновременно. Они «всемирно отзывчивы», и, в то же время, влюблены только в свою Родину. Однако, национализм чужд русскому сознанию.

Н.А. Бердяев категорично заявляет, что русским чужд национализм, что Россия – «самая не шовинистическая страна в мире». Напротив, всечеловечность идей и стремлений он склонен считать национальной русской чертой. Однако, он признает и осуждает «церковный национализм», имеющий место в русской культуре. Призывом преодоления этого «национализма» посвящает свое творчество последнего периода жизни В.С. Соловьев, ратующий за единую Вселенскую Церковь, которая поможет объединить народы, страны и все человечество, и будет первым шагом к заветной мечте философа – Всеединству, Богочеловечеству. В работе «Русская идея» (1888 г.) В.С. Соловьев говорит, что каждый народ принимает органичное участие в жизни всего человечества, в чем и состоит истинная национальная идея, «предвечно установленная в плане Бога» [Соловьев, 2010, 128]. В.И. Иванов в статье «О русской идее» (1909 г.) говорит об этом: «Всенародность – вот непосредственно данная внешняя форма идеи, которая кажется нам основой всех стремлений наших согласить правду оторвавшихся от земли с правдой земли» [Иванов, 1979, 327]. Русские именно так

понимают и стремятся именно к такому способу сосуществования наций в едином земном пространстве. Чтобы доказать это, достаточно вспомнить отзывы иностранцев о древних славянах, историю России. При различной своей интенсивности в разные периоды социального и исторического развития страны русский патриотизм никогда не имел националистической окраски. Очень точно это выразил Ф.М. Достоевский в своей знаменитой «Пушкинской речи» [Достоевский, 1984, 148], где выражено очень многое. Здесь и вера в наступление божественного всеединства, нескорого, ибо еще «должны понять» и исправить что-то грядущие поколения; здесь – призыв к «братскому» отношению наций друг к другу; и, наконец, это надежда на роль брата-примирителя, посредника, которую должен исполнить именно «всемирно отзывчивый» русский народ.

И.А.Ильин считает, что данная функция обусловлена и географически, поэтому России не может быть отведена роль торговой или культурной баррикады, ибо у нее мировое призвание – творчески-посредническая миссия между культурами и народами [Ильин, 1996, 163]. Однако философ говорит и о присутствии национализма в русском сознании, национализме как любви к духовной сущности своего народа [Ильин, 1993, 263–274]. Философ считает, что любовь к своему народу не предполагает ненависти к другому народу, а отстаивание чего-либо своего вовсе не предполагает совершение насильственных действий. Поэтому национализм и патриотизм не являются порывом самомнения или варварства, а представляются явлениями высшего духа. Национализм понимается мыслителем как высшая форма выражения патриотических настроений, но не радикально-негативная, как принято понимать его в современном мире, а как признание за собственной Родиной и своим народом наибольшей ценности для себя лично.

Русский патриотизм пафосен по своей природе, он – вечная тема в литературе, музыке и живописи. Он пронзает все исторические этапы развития русской мысли. Еще в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона мы находим строки, полные гордости за родную страну: «...не в худой и неведомой земле владычествовали, но в Русской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли» [Митрополит Иларион, 2011, 81]. Патриотические мотивы в искусстве чрезвычайно распространены. От Илариона они восходят к Ф. Тютчеву («Умом Россию не понять...» и др.), М. Лермонтову («Люблю Отчизну я, но странною любовью...»), к Вяч. Иванову («Русь! На тебе дух мести мечной...»), к М. Исаковскому («Советская Россия! Родная наша мать...») и т.д. На почве патриотизма возникают два крупнейших самобытных течения русской философии – западничество и славянофильство.

Западничество и славянофильство – суть соединение двух предыдущих особенностей в их идейном выражении. М.А. Маслин в предисловии к сборнику «Русская идея» приводит слова П. Анненкова об этих философских школах: «Спор двух различных видов одного и того же русского патриотизма» [Русская идея: сборник, 1992, 3]. Выражение В.В. Розанова в его работе «Уединенное» наиболее точно отражает противоречивость русской любви к своей земле. Философ признается в аномальности своих чувств: он ругает и презирает русских, одновременно ненавидя тех, кто их тоже ругает [Розанов, 1990, 230]. Многие философы (П.Я. Чаадаев, И.А. Ильин и др.) называют такую «аномалию» «зрячим патриотизмом». В.В. Розанов такой патриотизм понимает как способность любить родину с ее недостатками и перегибами, а не только за ее величие [Розанов, 1990, 299]. При этом он восклицает: «До какого предела мы должны любить Россию? ... До истязания самой души своей» [Маслин, 2012, 111]. Таким образом, любовь к России и русскому у В.В. Розанова означает любовь всегда и во всем – не только в величии, но и в убогом состоянии. И в этом мы находим «окончателность» русского характера.

Патриотизм, как и вся русская субстанция, имеет языческо-христианскую основу. Как язычник, русский любит свою землю, природу; как христианин, он любит Царя (Государство) и Церковь (Духовность). Н.А. Бердяев очень точно описал любовь русского народа к своей земле. В образе родной земли совмещены одновременно образы матери, невесты, жены и ребенка, значение которых для русского человека трудно переоценить с нравственной точки зрения. Сочетание же в этом образе столь разных символов предполагает многогранное и интенсивное отношение к родине. Поэтому он должен любить родную землю с ее противоречиями, грехами, недостатками. Иначе он бессилён творить [Бердяев, 1990, с. 27]. Следовательно, объединение всего спектра чувств к этим образам объясняет патриотизм в качестве сильнейшего внутреннего переживания русского человека.

Н. Авксентьев, русский эмигрант, в статье «Патриотика» отмечает большую привязанность русских к «малой родине», нежели в целом к России. Чаще всего русские люди называют себя «вятскими», «пензенскими», нежели гражданами России. Однако это не мешало русскому народу сражаться, умирать за родину «по велению свыше» [Лавров, 1990, с. 365]. Русский человек шел на смерть «За Веру, Царя и Отечество!» – это есть собственно символический лозунг патриотического русского сознания.

Заключение

Обобщение основных черт русского мирозерцания в трудах отечественных философов позволяет отметить следующее: русский человек к ценностям относится пассивно, созерцательно, что объясняется рядом обстоятельств. Так, свобода для него сосредоточена во внутреннем мире человека, а творческое начало, соответственно, сосредоточено в духовной сфере. Иерархия духовных ценностей русского человека самобытна благодаря преобладанию религиозных и общечеловеческих ценностей; при этом он не обладает в полной мере социальными свободами, но ему присуща великая воля к свободе внутренней, внутренняя свобода в сочетании с внешней приводят к анархии, бунту и вольнице в русском социуме. При этом русская природа не националистична, русский характер предполагает «всемирную отзывчивость» и открытость иным национально-культурным и идейным влияниям, при этом полностью сохраняется «ядро» национального русского типа.

Библиография

1. Бабич В.В. Понятие соборности в русской религиозной философии // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 63–66.
2. Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Репринтное воспроизведение издания 1918 года / Философское общество СССР. М., 1990. 240 с.
3. Бирюков Н., Сергеев В. Демократия и соборность: представительная власть в традиционной российской и советской политической культуре // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 53–68.
4. Бойко П.Е., Тонковидова А.Е. Категория соборности в социальной философии С.Н. Булгакова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 2 (424). Философские науки. Вып. 51. С. 85–91.
5. Горелов А.А. А.С. Хомяков: учение о соборности и русская община // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 2. С. 78–97.
6. Демин И.В. Деградация ценностей Русского мира в современной России // Социокультурный потенциал и перспективы развития Русского мира в трансграничном пространстве Центральной Азии: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Барнаул, 27–29 марта 2019 г. / Отв. ред. В.Ю. Инговатов и И.В. Демин. Барнаул, 2019. С. 46–53.
7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26: Дневник писателя 1977, сентябрь–декабрь – 1880, август. Л.: Наука, 1984. 518 с.
8. Думнова Э.М. Историческая обусловленность трансформации менталитета в России // Вестник Томского

- государственного университета. – 2014. – № 379. С. 55-60.
9. Иванов В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3: Статьи. Брюссель: Жизнь с Богом, 1979. 896 с.
  10. Ильин И.А. О грядущей России: Избранные статьи. М.: Воениздат, 1993. 368 с.
  11. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1996. 400 с.
  12. Киреевский И.В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. 383 с.
  13. Коррадо-Казанская Ф. Соборность и гуманизм: культурфилософский анализ эссе Вяч. Иванова «Легион и соборность» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2020. Т. 24. № 2. С. 187–200.
  14. Литература русского зарубежья: антология: в 6 т. Т. 1: 1920–1925, Кн. 1 / сост. В.В. Лавров. М.: Книга, 1990 420 с.
  15. Маслин М.А. В.В. Розанов и русская идея // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. Вып. 2. С. 104–116.
  16. Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати / Сост., вступ. ст., пер. В.Я. Дерягина. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 176 с.
  17. Образованность и философия Киевской Руси: языческие верования. Византийское православие и христианизация Руси // Галактионов А. Русская философия IX-XIX вв. М., 1989. С. 26-32.
  18. Розанов В.В. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1990. 712 с.
  19. Русская идея: сборник / сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. 496 с.
  20. Соловьев В.С. Русская идея // Пространство и Время. 2010. № 2. С. 127–137.
  21. Франк С.Л. Русское мировоззрение // Общественные науки и современность. 1991. № 1. С. 179–189.

Sobornost and patriotism as the value of the Russian world

Nikita V. Teplykh

Assistant,
Center for Humanitarian Education,
Humanitarian Institute,
115114, 1 p. 5, Derbenevskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ni.teplykh@yandex.ru

Abstract

The development of understanding and a kind of assessment of the issues of the Russian world undertaken in this article through the prism of the analysis of the values of conciliarity and patriotism allows us to present the polarity of the positions of researchers, which is explained by the versatility of cultural and ideological processes of reflecting the traditions of spirituality of Russian society. Some milestones in the study of such a complex problem as the values of the Russian world on the example of Russian philosophy are outlined. Russian philosophy is characterized by the generalization of the main features of the Russian worldview in the works of Russian philosophers, which allows us to note the following: the Russian person treats values passively, contemplatively, which is explained by a number of circumstances. Thus, for him, freedom is concentrated in the inner world of a person, and the creative principle, respectively, is concentrated in the spiritual sphere. The hierarchy of spiritual values of the Russian person is unique due to the predominance of religious and universal values; at the same time, he does not fully possess social freedoms, but he has a great will for internal freedom, internal freedom combined with external freedom lead to anarchy, rebellion and freedom in Russian society. Russian nature is not nationalistic, the Russian character implies "universal responsiveness" and openness to other national-cultural and ideological influences, while the "core" of the national Russian type is completely preserved.

For citation

Teplykh N.V. (2021) Sobornost' i patriotizm kak tsennosti russkogo mira [Sobornost and patriotism as the value of the Russian world]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (3A), pp. 202-208. DOI: 10.34670/AR.2021.22.58.031

Keywords

Sociocultural relations; the phenomenon of Russia; values; conciliarity; patriotism.

References

1. Babich V. V. The concept of sobornost in Russian religious philosophy // Bulletin of the Tomsk State University. 2009. No. 324. pp. 63-66.
2. Berdyaev N. The Fate of Russia. Experiments on the psychology of war and nationality. Reprint reproduction of the 1918 edition / Philosophical Society of the USSR. Moscow, 1990. 240 p.
3. Biryukov N., Sergeev V. Democracy and conciliarity: representative power in traditional Russian and Soviet political culture // Social Sciences and Modernity. 1995. No. 6. pp. 53-68.
4. Boyko P. E., Tonkovidova A. E. The category of conciliarity in S. N. Bulgakov's social philosophy // Bulletin of the Chelyabinsk State University. – 2019. – № 2 (424). Philosophical sciences. Issue 51. pp. 85-91.
5. Gorelov A. A. A. S. Khomyakov: the doctrine of sobornost and the Russian community // Knowledge. Understanding. Skill. 2017. No. 2. pp. 78-97.
6. Russian World values degradation in modern Russia // Socio-cultural potential and prospects for the development of the Russian world in the trans-border space of Central Asia: materials of the International Scientific and Practical Conference, Barnaul, March 27-29, 2019 / Ed. by V. Yu. Ingovatov and I. V. Demin. Barnaul, 2019. pp. 46-53.
7. Dostoevsky F. M. The complete collection of works: in 30 vols. t. 26: The writer's diary 1977, September-December-1880, August. L.: Nauka, 1984. 518 p.
8. Dumnova E. M. Historical conditionality of the transformation of mentality in Russia // Bulletin of the Tomsk State University. - 2014. - No. 379. pp. 55-60.
9. Ivanov V. Collected works: in 4 vols. Vol. 3: Articles. Brussels: Life with God, 1979. 896 p.
10. Ilyin I. A. About the coming Russia: Selected articles. Moscow: Voenizdat, 1993. 368 p.
11. Ilyin I. A. Collected works: in 10 vols. Vol. 1. Moscow: Russian book, 1996. 400 p.
12. Kireevsky I. V. Selected articles. Moscow: Sovremennik, 1984. 383 p.
13. Corrado-Kazanskaya F. Sobornost and Humanism: a cultural and philosophical analysis of an essay by Vyach. Ivanova "Legion and sobornost" // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy. 2020. Vol. 24. No. 2. pp. 187-200.
14. Literature of the Russian abroad: anthology: in 6 vols. Vol. 1: 1920-1925, Book 1 / comp. V. V. Lavrov. M.: Book, 1990 420 p.
15. Maslin M. A. V. V. Rozanov and the Russian idea // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2012. Vol. 13. Issue. 2. pp. 104-116.
16. Metropolitan Hilarion. The Word about the Law and Grace / Comp., intro. art., per. V. Ya. Deryagina. M.: Institute of Russian Civilization, 2011. 176 p.
17. Education and philosophy of Kievan Rus: pagan beliefs. Byzantine Orthodoxy and the Christianization of Russia // Galaktionov A. Russian Philosophy of the IX-XIX centuries, Moscow, 1989. pp. 26-32.
18. Rozanov V. V. Essays: in 2 t. t. 2. M.: Pravda, 1990. 712 p.
19. Russian idea: collection / comp. and auth. introduction by M. A. Maslin. M.: Republic, 1992. 496 p.
20. Solovyov V. S. Russian idea // Space and Time. 2010. No. 2. pp. 127-137.
21. Frank S. L. Russian worldview // Social Sciences and modernity. 1991. No. 1. pp. 179-189.